

THE NEW REVIEW

Новый Журнал

Основатели М. Алданов и М. Цетлин — 1942

С 1946 по 1959 редактор М. Карпович

С 1959 по 1966 редакция: Р. Гуль, Ю. Денике, Н. Тимашев

С 1966 по 1975 редактор Роман Гуль

С 1975 по 1976 редакция: Р. Гуль (главный редактор),
Г. Андреев, Л. Ржевский

1978-1981 редактор Роман Гуль

1981-1983 редакция: Роман Гуль (главный редактор)
Е. Магеровский

1984-1986 редакция: Роман Гуль (главный редактор),

Ю. Кашкаров, Е. Магеровский

1986 редакционная коллегия

сорок седьмой год издания

Редакционная коллегия:

Ю. Д. Кашкаров

В. П. Крейд

М. И. Раев

В. М. Сечкарев

И. В. Чиннов

З. О. Юрьева

Секретарь редакции:

А. Н. Тюрин

Обложка работы Мстислава Добужинского

THE NEW REVIEW
MARCH 1988

© THE NEW REVIEW

Приобретенные рукописи не возвращаются

NEW REVIEW (ISSN 0029-5337) is published quarterly by New Review Inc., 611 Broadway, #842, New York, N.Y. 10012. Second Class postage paid at New York, N.Y. Publication No. 596680. POSTMASTER: Send address changes to the New Review, 611 Broadway, #842, New York, N.Y. 10012.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>В. Яновский</i> — По ту сторону времени. Роман	5
<i>Ю. Балтрушайтис</i> — Стихи	47
<i>Ильязд</i> — Посмертные труды	49
<i>Е. Замятин</i> — Из литературного наследия.	
Публикация <i>А. Тюрина</i>	77
<i>В. Перелешин</i> — Стихи	87
<i>Е. Федорова</i> — "Обойден и замкнут круг"	91
<i>М. Крепс</i> — Зимний речитатив	113
<i>М. Фельдман</i> — Стихи	116
<i>И. Поярков</i> — Стихи	118
<i>К. Ушаков</i> — Серп и молот	120
<i>Ю. Тролль</i> — Пассянс "Будуар"	148
<i>Вл. Купченко</i> — "Лучший друг слова"	154
<i>А. Штромас</i> — В мире образов и идей Александра Галича	168

ВОСПОМИНАНИЯ И ДОКУМЕНТЫ

<i>Н.В. Поленова</i> — Е.Д. Поленова и М.В. Якунчикова.	
In memoriam	201
<i>В.Н. Челищев</i> — Из воспоминаний	229
Письма <i>М. Шагинян</i> к З. Гиппиус. Публикация <i>А. Тюрина</i>	248

ПОЛИТИКА И КУЛЬТУРА

<i>Р. Киршенштейн</i> — Милитаризация промышленности в СССР	281
--	-----

СООБЩЕНИЯ И ЗАМЕТКИ

<i>В. Крейд</i> — Неизвестные строки О. Мандельштама; <i>А. Иванов</i> — К истории могилы Л.Ф. Достоевской	292
---	-----

БИБЛИОГРАФИЯ

- Э. Мелтон — Русский крестьянин глазами Запада — новые работы американских ученых; Е. Филипс-Юзвигг — Отклики. Сборник статей памяти Н.И. Ульянова; Т. Фесенко — Ю. Терапиано. Литературная жизнь русского Парижа за полвека; М. Раев — Modern Greek Studies Yearbook. 1985-1987; М. Раев — R.H. Johnston. "New Mecca, New Babylon" — Paris and the Russian Exiles. 1920-1945 298

ЕВГЕНИЙ ЗАМЯТИН

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Публикация А. Тюрина

Монастырь

На низеньком лугу, пьющем воду из Волги — странный, весь ярко-белый, нездешний, неземной городок. И поют на усладу всему миру — колокола: тихим, низким, глубоким, умиротворенным звоном, будто не здесь, наверху, а под водой, в невидимом граде этот звон, прошел через дремотно-зеленую глубь, оттого такой тишиной, таким миром полон.

Завтра в монастыре — престол. Муравьи-богомольцы копошатся кучами на берегу. Постирушки устроили к празднику: целая вереница на веревке белого белья. И ярмарка кружится пестрым хороводом: гребешки из Ярославля, пряники кинешемские, красные с золотом, искусные баклушки из Диева Городища. Надо побаловать баб да ребятишек к празднику.

Опускается солнце. Вода тут, ближе к валу, тяжелая, глубоко-синяя, а дальше — легкая, золотистая, светлая. И такие крендели завернула Волга, такие набросала песчаные косы, что не знаешь: вправо ли поедем, или влево, или посередине.

Одно только: видать далеко где-то золотую маковку церкви. И знаешь: приедем туда, и снова — малиновый звон, тишина, на минуту — мир, Бог и отдых.

Рынок

Генерал торгует спичками. Бывшая княгиня — куклами. Вовó — парфюмерией. Бывший граф — красками в пакетиках, зазывает:

— Безвредные краски для матери!

Она вышла сперва торговать своим барахлом. Стыдно: в густой вуали. Про нее:

— Дама-гражданка с завязанной мордой!

Стала ходить в платке.

Флирт Вовó и княгини. Говорят на рынке по-английски. Владелица галантерейного ларька, пожилая еврейка, ухаживает за Вовó. Он пристраивается.

По воскресеньям и четвергам — Предтеченский рынок, по остальным дням — Мальцевский, Кузнецкий.

На рынке — свои знаменитости, счастливцы, шуты, нищие, трубадуры. По воскресеньям на рынок идут гулять и есть: удовольствие только тогда полно, когда полон рот.

Шарманки, гитары, балалайки, гам.

Цыганки, хиромантки. За гривенник — прошедшее и будущее, говорят все вслух, не стесняясь — самое интимное.

Буря: милиция, бег, рассыпаются пирожные — проверка патентов.

На Вовó — толстовка, часы с цепью, перстень.

Пирожные. Свои клиенты у нее. Мясники больше всего, народ богатый.

За бывшей княгиней ухаживает старик татарин. Ревнует ее. Княгиня перестает торговать куклами — спекулирует бриллиантами, играет в Владимирском клубе. Кончается тем, что ее нашли убитой на квартире: в рот ей был глубоко засунут платок с меткой "US".

Вовó предлагает ей — познакомить с одним богатым нэпманом:

— За услугу с вами не возьму — мне заплатит другая сторона.

Женщины все вываливают друг другу, скучно стоять так целый день.

Вечером она читает *Henri de Régnier*, мемуары *Saint-Simon'a*, *Imbert de Saint-Amant*, *M-me de Rémusat*.

Акулы-скупщики, которые покупают все у новичков за бесценок. Их помощники-”подначиватели” сбивают цену.

Всё предлагают выступить в кино: когда-то вместе с ней они танцевали в великосветском балете у Килья...

”Теперь большой спрос на бывших дам с полным образованием”.

Кожа на руках и на лице огрубела, стянулась, стала сухая и шерховатая.

Анна Ивановна уже имеет положение на рынке, берет за пирожок на копейку дороже — у неё самые лучшие. Дома — рояль, квартира, сын 12 лет изучает языки... Она ласкова с покупателями, но ей говорят:

— O, cette crapule, cette vermine, cette charogne!

Бывшая артистка Елена Сергеевна — из фарса. Постарела, и фарса уже нет. Торгует. Смешная болонка, суетливая. Её обманывают часто, ей не платят. Сидит в участке за бесплатность. Дома у неё на содержании ”артист” Володя — в матросской курточке, инфантильного вида, но... с лысиной. Играет в коллективе:

— Где?

— На Поповке, потом — в домах умалищенных.

Елена Сергеевна — спиритка. Беседует с Синой.

Художница — бывшая. Молодая, румяная, синие глаза. Щеки горят так, как будто ей жарко или она радуется чему-то. Продает сумочки.

— А на кой они ляд нам? Не все равно, чем нашим ребятам... утирают?

Потом — ожерелья из ситного. Но сама же рассказала, что из ситного никто не покупает.

Серж. Единственный сын у матери, баловень, слабогрудый. Жил по Ниццам и Ментонам. Учился дома, заканчивал образование у Максима в Париже. Мать умерла, все потерял. Стал шофером (были свои авто раньше). Здоровье мешало, заболел, бросил. Про себя говорил:

— Совсем я шкец с Лил. Вот бы маман взглянула!

Опустился. Потом женился на простой девице лет 18 — дельной, строгой. Торгуют с тележки. Живут в Лесном. Встают в 6 и едут на Горсткину улицу за товаром. Торгуют овощами, фруктами, яйцами, хлебом.

Вечером едут домой. Сыты, одеты. Она — неграмотная, Серж ведет запись, счет. Оба счастливы.

Деревня Лесная. Никогда не слыхали слова "интернационал". Нечистая сила — крепка. 19-ти летний малый ни за что не пойдет вечером в овин один. А за 3 версты лесом за табаком сбегать — сбегает, даром что волки.

Волков это лето уйма. Ночуют в сарае, а за стеной воют — а ведь еще август! Утром — следы видны.

Решили волков выгнать. Всей деревней, с барабанами на шею (доски), с тазами двинулись в лес. Потом в соседнюю деревню весть послали: мы-де волков перегнали в ваш лес, в Агашкино болото. А те перегонят обратно...

Из рассказов военных

...Опасность, хождение по краю — все это потом стало нужным, как вроде водки. И, главное, в деревне сидишь — сырь, скука, винт, преферанс, тараканы... Так надоест — скорей бы в бой.

...В бою всегда чувствовал, как лоб между бровями почесывается: вот-вот пуля именно сюда, в лоб. А если фланговый огонь, то в висок. Сначала думал, что это только у меня такое ощущение, оказывается, — нет. Однажды сидим под обстрелом с адъютантом. Смотрю — он оперся о стол и у виска держит браунинг — плашмя.

— Что это вы?

— А это — если в висок пуля попадает.

...Конечно, страшно. Но никогда пулям не кланялся. Рассуждениями на себя действовал, когда слышишь свист пули, значит, она уже мимо, бояться ее нечего. А потом, в бою — азарт: взьмешься сам за пулемет — и не оторвешься от него.

...Начинают снарядами нащупывать наш окоп — пулеметчиков. И, скажем, снаряды все время на левый фланг — а мы на правом: вот тогда — очень приятно — не в нас. Когда убьет кого-нибудь рядом, тоже — стыдно сознаться — вроде радуешься:

— Ну, значит, в меня уже не попадет...

Однажды взорвался снаряд, командиру пулеметчиков — он стоял — снесло осколком спину. Он продолжал еще стоять, по-

чувствовал — что-то неладно со спиной, оглянулся, пощупал рукой — попал рукой себе в открывшееся легкое, упал... и на месте же умер от испуга, от разрыва. Пулеметчику рядом разнесло череп — и осколками этого черепа и мозгами контузило моего соседа: все тело у него было нашпиговано косточками и мозгами.

...И вот, когда кончится обстрел, атака, все затихнет — вот тут-то в лесу незабываемые минуты: такая радость, так весь чувствуешь, что жив, жив, живешь! Вороны ходят по снегу, по дороге и клюют навоз — такое наслаждение смотреть на них! Потом, когда вернешься домой, в деревню, в избу — уже не то, а вот именно сейчас же после боя, в лесу... Ради этих минут, может быть, и идешь на все.

Сверху, с наблюдательной вышки весь бой виден, как на шахматной доске: как ползут черные цепи, как встали, побежали, пригнулись, залегли. Как неприятель нашупал их огнем, вскочили и — вот бараны! — стали сбиваться в группы; видно, как собираются гроздьями, и шрапнель рвется уже над этими гроздьями: ведь неприятельский наблюдатель видит все так же ясно, всех их, как и я...

* * *

Лягушка кричала не своим голосом, попалась горластая.

— Фунтов в 30 лягушка.

— Куда в 30, пуд весь.

Приходили по вечерам к озеру слушать лягву-чудище. Скоро поняли, что и не лягушка это вовсе; где ж видано, чтобы лягушку на версту слышно было. Черт это, чертяка водяной. Раньше потешались криком, теперь бояться стали. Не пускали ребятишек слушать, как черт песни поет. А нашлись люди, решили сельчан от черта избавить, изловить его да закрестить до смерти. И в полночь ходили чертоловы к озеру, и в полдень, и на заре, и в воскресенье после обедни — нет, не удавалось черта поющего поймать. Квакал себе на заре да квакал. Один чертолов, Семка Псалтырь, доложился. Читал он псалтырь по упокойникам — дорогу перебивал черничкам. Ну, прочитал раз, угостили хорошенъко, выпил, осмелел.

— Пойду черта поющего изловлю, что в сам деле такое?

Пошел с вершай в руках ловить. Вот тут где-то поет, вот сейчас. Зачерпнет — ничего. А черт уж подальше отскочил, вправо, и опять совсем близенько "турлу-турлу-турлу". Семка Псалтырь за ним. Манит-манит его черт, да в омут и заманил. Ухнул Семка, и поминай, как звали.

Клюканов

Два парня, Клюканов и Богомолов, искали Бога. Пошли в лес, Богородице молились, звали, чтобы показалась. Нет. На икону наплевали: ничего. Изрубили, сожгли: ничего. Пробовали черта вызывать, ставили черту свечку — ничего.

И решил Клюканов:

— Бог есть, но только отвернулся он от мира, и мир — это уже не настоящее теперь, не Божье, нет Божьего образа, безобразное.

Богомолов стал изучать природу, а Клюканов открыл кабак. Изба, при избе пристройка грязненькая и кабак. Бедным остался Клюканов: 2 ведра водки продаст, 3-ье пьяницам. Соберет забулдыг каких — и спаивает: пейте. Сначала немножко, разлакомить, а потом — просят, а он навоз заставляет есть: съешь, что собака нагадила — тогда дам. И едят: вино даром получают. Клюканов радовался, что правит плохо: чем хуже, тем лучше, тем ясней, в мире нет образа Божьего. А Богомолов искал какую-то руду, глину фарфоровую, разбогател. Дом построил в 9 окон, светлый. Была Голубчиха, барыня, прогоревшая после крепостного права. Так ей Богомолов платил 200 рублей в месяц просто так, чтобы непозорно свой век доживала.

Богомолов поехал в город, отстрягся, надел городское плащье. Все ничего, ходил, но против гостиницы "Националь" остановился, ахнул и стал пальцем окна считать. Пересчитал, помножил в уме, сколько стекол и сколько стоит.

Белые ночи

Тонкие вечера в конце апреля или начале мая, когда белые ночи еще юны, еще не измучены бессонницей. Только, ради Бо-

га, — не нужно, не нужно зажигать лампы. Откройте окно и слушайте. Где-то тоже открывают окно и будут тихонько играть на рояле. И далекий шум экипажей.

Без слов ждете ночи, усталости, темноты. Но это не приходит. Еще час, и еще час — и светло все-таки.

Изумленные, просыпаетесь от своей усталости и вглядываетесь в белые еще стены и улицу, странно и тихо пьянеете — и вот уже хочется этой улицы с движущимися людьми и экипажами, хочется бледных зеркал воды в каналах и в Неве.

На улице вздрагиваете от свежести или от чего-то еще, от какого-то ожидания, и вмешиваетесь в поток экипажей. Конечно, на острова, на Стрелку.

Ходите среди с чуть заметной зеленью деревьев, молчаливых, среди толпы, в которой говорят, кажется, только шепотом. Лодки на розовой воде. Скамейки на берегу. Далекий в тумане рыбачий затон.

В далеких аллеях — лягушки, мостики, и на скамейках под деревьями — обнявшиеся. Ни на минуту они не изменяют позы. Идете мимо, смотрите на песок, улыбаетесь, да, улыбаетесь. Но руки становятся холодными. Сыро? Да.

На другой день забудете обо всем. Но разве будет день? Разве только ночью, на Стрелке — белая ночь.

Да оглянитесь — и днем она где-то тут, незаметная или чуть заметная, как побледневший дневной месяц.

И оттого улицы так томны после вчерашнего, мысли завешены легким туманом, приятно ехать на пароходике и смотреть в прохладную воду. Ах, не все ли равно, куда привезет он. Быть может, Ораниенбаум, Петергоф — парк и спокойно.

Но попробуйте только на минуту закрыть глаза — и опять вы во власти белой ночи, и творится что-то странное с днем, с солнцем, вашей волей, землей под ногами. Но падать не страшно — потому что сейчас с вами падает все, бредит с закрытыми глазами все кругом. Вода — разве это ее настоящий цвет — такой сверкающий, режущий, грубый? Не дневная ли это броня, а под нею ночное из нежных полутонов тело, открытое умеющим любить намеки и тени. Деревья — смешные, четкие и звонкие, как глупые воробы; деревья разве не притворяются? Те, другие, молчаливые, недвижные, лирические, ласково-сумеречные, разве не они — настоящие майские деревья?

А люди? Эти торопливые, насмешливые, кричавшие громко? Напомните им, какими они были вчера ночью — они откажутся: нет, нет. Но сегодня ночью — будут такими же.

Бугаевы

Где он жил? Везде: в деревне Бугаи возле Тулы, в Москве, в Петербурге, в Лондоне, в Париже. Он был всюду, где пахло лошадьми, конским потом, где, согнувшись, неслись разноцветные жокеи, где, вскочив с мест и сами не слыша своего крика, тысячи людей следили за каким-нибудь неожиданно выскошившим вперед аутсайдером. Мужики его звали "Наш Степан Степаныч", в Лондоне на дерби он был "Sir Stephan", на парижском Гран При его называли "Comte Bougaieff", хотя он был просто богатый тульский помещик, страстный лошадник, кентавр. И всюду — в деревне, в Париже и в Лондоне с ним был хромой цыган Митя, его кучер. Что-то цыганское было, пожалуй, и в самом Бугаеве: черные агатовые глаза, черная шерсть на руках из-под белоснежных манжет, густая синева чисто выбритых щек. И особая примета: большой полукруглый шрам на подбородке, появившийся в то лето, когда объявлена была война.

Три дня не переставая лил какой-то небывалый дождь, перед окнами стояла водяная стена. Утром на Троицу, когда в деревенской церкви зазвонили к обедне, вдруг выглянуло солнце. Это было как выход дирижера на эстраду: хрустальными листами засияли деревья, запели в парке птицы, неистово заблагоухала сирень. Три дня не открывавшаяся дверь широко распахнулась, и с букетами в руках вышли все Бугаевы, чтобы идти в церковь. Впереди была старшая, Лида. Горбоносая, легкая, она шла, как породистая лошадь на пробежке перед заездом, привычно позволяя любоваться собой. За ней, стараясь попадать в ее следы на песке, шел кузен Гога в белом студенческом кителе. Затем Бугаева-мать, с серыми волосами и совсем молодым еще лицом, ее пятеро маленьких и грудастая акушерка Попкова, известная под кличкой "Клавиатурное сопрано" (так она называла свой голос).

Не было только самого Бугаева: вдвоем с кучером, хромым цыганом Митеем, он еще на рассвете уехал в город, где сегодня

была конская ярмарка. Когда кончилась обедня, он вернулся оттуда с покупкой: тонконогий вороной жеребец Бзик. На ярмарке около красавца Бзика собралась целая толпа любителей-лошадников, но из-за его бешеного норова никто не хотел покупать жеребца. Бугаев только переглянулся с хромым Митеем и, не торгуясь, взял Бзика.

Теперь Бзик стоял на бугаевском дворе, привязанный к железному кольцу у каретного сарая, косясь на людей бешеным черным, с красными искрами, глазом. Размокший чернозем чмокал под его копытами, и это походило на звук поцелуев, когда губы с трудом отрываются от губ. Должно быть, Лида так и услышала это: она оглянулась на студента Гогу и засмеялась. Бзик прыгнул в сторону, из-под его копыт полетели комья чернозема, один прилип к персиковому шелку ее лондонского платья (лондонские модели она предпочитала парижским). Цыган Митя подскочил к ней, стал перед ней на колени прямо в грязь и счистил с шелка комок. Лида даже не взглянула на него.

— Ну, что ж, Митя, попробуем? — сказал Бугаев, потирая руки как от холода: так он всегда делал, когда в игре бросал тысячи на карту, когда подходил к незнакомой понравившейся ему женщине, когда на пожаре лез в чью-то горящую избу, чтобы вытащить забытую там наседку с цыплятами — словом, когда начинал "озоровать", как говорили про него мужики.

Митя запряг Бзика в легкую беговую двуколку, подвел его к воротам. По зеленой улице шли из церкви мужики с троицкими цветами, они несли их как веники, подмышкой. Бугаевские ворота вдруг раскрылись, Митя, сверкнув белками, крикнул:

— Берегись!

Мужики живыми шпалерами раздались в сторону и остановились: ну, должно быть, сейчас будет потеха...

Цыган Митя уже сидел в двуколке рядом с Бугаевым, разбиравшим вожжи. Бугаев, как скрипач, в первый раз пробующий смычком новый инструмент, легонько тронул вожжой Бзика. Жеребец только оглянулся, злобно оскалив зубы. Бугаев, натянув вожжи, гикнул, хлестанул его. Бзик ударил задними ногами в передок двуколки, но не тронулся с места, и что дальше ни делал Бугаев, жеребец только храл, вставал на дыбы, но ни за что не хотел сделать ни шагу вперед. Бугаев весело, жадно

дысал, у него, как у Бзика, тоже были оскалены зубы, это было единоборство, и Бугаев должен был во что бы то ни стало одолеть, тем более, что он увидел в окне лицо жены, с которой он уже месяц был в ссоре.

— Давай сена! — крикнул он Мите.

Митя, хромая на правую ногу (эта хромота как будто помогала ему бежать быстрее), принес охапку сена. Бугаев бросил ее на землю под задние ноги жеребцу. Мужики за воротами и Митя глядели, ничего не понимая.

— Зажигай! — приказал Мите Бугаев.

Митя вытащил из кармана коробок спичек и остановился, с опаской покачал черной лохматой головой. Бугаев, сверкнув зубами, выхватил у него спички, чиркнул и нагнулся к сену. Сено вспыхнуло, жеребец высоко взметнул задними ногами, подковой ударили Бугаева в подбородок слева, брызнула кровь. Крикнула жена Бугаева в окне, ахнули мужики и Митя — и еле успели отскочить в сторону: обожженный Бзик пронесся мимо них ворота на улицу, мелькнула белая поддевка Бугаева, на ходу вскочившего в двуколку, видно было, как он ухватился обеими руками за передок, чтобы удержаться на крутом повороте...

Уж смеркалось, с стеклянным писком ласточки чертили в воздухе кругом колокольни, а Бугаев все не возвращался — да и вернется ли? Может быть, уже лежит где-нибудь? Разрумянившаяся от волнения и еще больше помолодевшая Бугаева сверху, с балкона своей спальни смотрела на дорогу. Сначала лакей, потом акушерка Попкова прибегали сказать, что уже собираются гости, но Бугаева, даже не оборачиваясь, только сказала:

— Пусть, мне все равно, я не могу.

Гостей принимала Лида, спокойно, уверенно двигаясь под взглядами мужчин, глядя мимо всех на кого-то, кого здесь не было.

Она села за стол на хозяйствское место. Лакей внес блюдо с огромной коричнево-лоснящейся кулебякой. Едва закрывшись, дверь снова открылась — вошел Бугаев. Все закричали, задвигали стулями, вскочили. Вся грудь и левый рукав поддевки у Бугаева были залиты кровью, кровь засохла на ране в подбородке, но он сверкал зубами, глазами.